РЕПОРТАЖ

СЕРДЦАМИ СВЯЗАНЫ

Мы стояли на каком-то пологом склоне. В туманном мраке не слишком ясно вырисовывались перед нами очертания призамистого длинного строения. Больше ничего не было. Был только густой и хмурый, фиолетово-серый цвет, он затопил все вокруг: и невидимое — без звезды — небо, и совсем скрытую и, кажется, даже не существующую здесь землю, они смешались в этом темном мареве. Вдруг дохнула пустыней черная абстрактная глубина... Это был край света.

За спиной дрожал маленький, старый автобус. Десятки, а то и сотни километров накручивает он каждый день вокруг бесконечных сопок, то возносясь к небесам, то низвергаясь к самой кромке воды... Местные дороги, неухоженные и приблизительные, пересаченные выбоинами, невесть откуда взявшимися незамерзающими ручьями, то и дело стелят под старенькие шины опасную наледь...

Последний человек, вышедший из автобуса, приоткрыл входную дверь — сразу заструились в полоске света редкие снежинки — и совершенно буднично сказал:

— Спектакль через четверть часа. Не опоздайте, начинаем точно...

* * *

Спектакль... Каким тут может быть спектакль на краю света?

* * *

Зал оказался неожиданно большим и уже весь был заполнен парнями в черных шинелях. Довольный, приподнятый рокот, легкий хохоток перекатывались по рядам. Иногда в каком-то углу обвалом грохал смех, и тогда ползала с живейшим интересом оборачивалось, стремясь тоже приобщиться к какому-то очередному «случаю», который излегал довольный вниманием остряк.

Неспешно и властно вошел статный офицер с двумя большими звездами на погонах, и что-то неуловимо изменилось в зале. Кто-то машинально поправил ремень. Мой сосед забыл о приятеле, который дергал его сзади за воротник шинели, и во все глаза влюбленно смотрел на командира. Было ясно: этот человек тут главный и любимый.

Вот он повел глазом куда-то в сторону, и сейчас же к кулисам спешно побежал молодой парень, матрос, с каким-то непонятным сооруженьицем, опутанным проводами.

— Это он камин для артистов!— восхищенно сказали сзади.

Он небрежно взмахнул ладонью, — и красавцы с двух первых рядов удрученно поднялись, с осуждением глядя на командира.

— Это он для девчонок! — восхищенно выдохнули сзади.

Потом пришли девчонки — тоненькие, неулыбчивые, с «бабеттами» над строгими хорошенькими физиономиями. «Почти весь узел связи налицо», — с видимым удовлетворением констатировали сзади. Командир сам усаживал девчонок, неторопливо, словно давая всем рассмотреть, как он пропускает связистку вперед, как уважительно предлагает ей место. Мои соседи шумно и радостно вздыхали: им явно нравилось, что он вот так учит их джентльменскому обращению.

Уже начинали вразнобой гасить электролампочки, когда он сказал негромко (но сразу оборвались разговоры):

— Ну как, матросы, понравился вам прошлый спектакль?

— Понра-а-а-вился-а-а-а!!! — с энтузиазмом загудел зал. Это был хороший момент для вопроса, должно быть, он это знал: артисты за кулисами уже отгримировались и, без сомнения, отлично все слышали.

— Ну, так, я думаю, надо, чтобы артисты нашего любимого театра почувствовали это, хорошо почувствовали... А то еще переведут их от нас куда-нибудь в Приморье, слышали ведь, ходил такой слух!..

— У-у-у ... — неразборчиво загремело по рядам.

— Не дадим ни за что! — Это грянули сразу ползала. И тут без предупреждения пополз в разные стороны не новый и не роскошный красный бархатный занавес, с места в карьер полным ходом пошел спектакль, и сразу в зале началась иная жизнь, и все вопросы — какой? — отпали в первые же минуты сами собою.

На сцене была гостиная в доме старого рабочего Трофима Гордеевича Кичигина. Можно было безошибочно сказать, что декорации уже не только себя показали, но и сами всякого повидали. На одной стене рисунок был тусклым — выгорел на летнем солнце. Когда мы ехали сюда, на очередную «выездную точку», кто-то поругивал и самого художника А. А. Киреева: вечно настроит на сцене настоящие квартиры, чуть ли не дома, — далековат от современного стиля сценического оформления. И сейчас, глядя на несколько обшарпанную квартиру Кичигиных, в которой предметы были так неуклюже согласованы друг с другом, — вспоминались эти слова, и нельзя было с ними не согласиться, — и тут же они забывались. Не в том было дело.

А просто — вышел на сцену хитрый мужик с мешком, шоркнул глазами по гостиной, глаза у него были разбойные, оценивающие, а поскольку было сказано, что это отец приехал к сыну повидаться после многолетней разлуки — все насторожились... Старик был настоящий, на кого-то очень похожий — даже странно было вспоминать дневную встречу со скромным, думавшим какую-то свою думу артистом А. И. Сергеевым.

В воздухе явственно пахло грозой. В зале стало неспокойно — старик собирался отторгнуть у Кичигиных самого любимого из детей, народного Максима, ставшего ученым. Было ясно, что приемная мать, Софья Ивановна, не переживет, если откроется ее святая тайна... И когда пришел сам Максим— молчаливый, с грузом тяжелых мыслей в душе, и велел старику — «чтобы ни одна живая душа не знала» — вырвались на волю бурные, полновесные аплодисменты — ото всей крепости матросских ладоней.

Удивительно понятными были тут залу малейшие проявления человечности, необыкновенно бурно принимались тут Кичигины, грудью стоящие друг за друга, искренние, готовые поступиться собственным во имя больших, пусть и чужих, интересов....

Акт кончился. Матросы разговаривали возбужденно, и вопросы— «Как ты думаешь, отдаст Кичигин свой дом государству?», или — «А чего Севка бунт устроил в бригаде? — победят или нет?», «А эти, паразиты, неужто им не дадут как следует по мозгам?» — вопросы эти о людях, которых, в сущности, не существовало, вовсе не казались наивными.

А мне думалось о другом. Спектакль не был новостью, его доводилось видеть у других. Но этот был особенным. Положим, бросались в глаза некоторые режиссерские недоработки, неправдивая мизансцена, — но все перекрывал озорной, острый запал. Ни одно слово не роняли впустую ни А. Н. Благовестов, игравший Кичигина, ни В. В. Аведиков — Севка, ни великолепнейший Капитон Егорович (в антракте он снова превратился в обаятельного и улыбчивого Михаила Павловича Кондратьева). Каждое слово было насыщенным, оно вызывало немедленный отклик в зале. Это была высокая, отличная актерская отдача. А они, актеры, весело жались сейчас, в антракте, к электрокамину, кутались в шубы (температура стояла чуть ли не минусовая). Бутафор М. И. Парилова деловито собирала ненастоящие фрукты, как-то находили дороги в немыслимой тесноте клубной сцены реквизитор и добровольные сценические рабочие — все те же матросы. Чтобы в таких условиях можно было столько отдать зрителю, — такого мне видеть еще не доводилось. Главный режиссер Лев Николаевич Иванов на этот «выезд» не поехал — он был за коллектив спокоен.

Что же есть тот колодец, откуда черпают такие силы?

* * *

Спектакль кончился поздно. К концу его зал был накален, все время стоял гул, все время взрывались аплодисменты. Так матросы выражали свое безоговорочное «за» по отношению к трудовой семье Кичигиных. И когда командир в заключение вышел на сцену благодарить артистов, он в первые минуты тоже выглядел совсем иным — размякшим и добрым, даже каким-то счастливым. А актеры улыбались, словно ничуть не устали, словно не выложились сейчас, как говорится, «дотла»...

Мы возвращались на базу сквозь все ту же лиловую мглу, по невидимой, швыряющей дорога. Никто не говорил о спектакле, слишком много только что отдали ему.

Театр играет 23—24 спектакля в месяц. И только три из них— на своей стационарной сцене. Остальное — выезды, вот такие же, как этот. Иногда с многочасовой дорогой, сквозь ледяной ветер, от которого не спасают окостеневшие бока старенького автобуса. Автобус — единственный, по сути он уже дважды «пенсионер», а на нем держится все дело. Не раз обращались по инстанциям, — транспорта все равно не дают. Чуть ли не каждый день начальник театра — взрывчатый и неутомимый В. В. Мурашко, у которого знакомых нет, наверное, только в раю, всеми официальными и неофициальными средствами старается предотвратить срыв очередного «дальнего» спектакля... Так он достает машины, фанеру, ткани по дешевой цене, грим и еще много всего. Театр никто не снабжает, он «ничей».

В таких условиях работать — нужно иметь какие-то очень веские основания. Даже «северные» не компенсируют затраты ума, здоровья и сил, которые выкладывают каждый вечер актеры театра Тихоокеанского флота.

Что же компенсирует?

Ведь не случайно же чуть ли не двадцать лет колесит по этим дорогам Михаил Павлович Кондратьев, прекрасный актер — в любом театре «с руками оторвут». После некоторого перерыва вернулся в театр заслуженный артист РСФСР Александр Федорович Крюков. А уж ему-то, кажется, где угодно будут рады: Ленина играет! Никто в этом театре не «тянет лямку». Спорят о творческих методах на репетициях и в свободное время, волнуются перед каждым выходом на сцену, мечтают о новых интересных произведениях и ставят их: репертуар у театра разнообразный, полнозвучный...

Так что же — источник? Актеры улыбались, пожимали плечами. Кто-то сказал, немного неловко, стесняясь показаться выспренним:

— Зритель тут особенный...

* * *

И тогда я вспомнила, как грянули матросы в зале:

— Не дадим ни за что!

И других вопросов уже не стоило задавать.

Л. МАЛИНОВСКАЯ.

ТИХООКЕАНСКАЯ ЗВЕЗДА
31 ДЕК 1965